

Историографическая схема Н.С. Трубецкого и место Украины в исторической концепции евразийства

А.А. ТЕСЛЯ*

* **ТЕСЛЯ Андрей Александрович** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. E-mail: mestr81@gmail.com

Евразийство – наиболее крупное оригинальное интеллектуальное движение среди русской пореволюционной эмиграции 1920–1930-х гг., сохраняющее свое значение во многом и в наши дни. В данной статье рассматривается оригинальная историографическая схема Н. Трубецкого – интеллектуального лидера евразийского движения – применительно к пониманию места истории Украины в истории Евразии. Выделяется ее принципиальная новизна как по отношению к предшествующей историографии, так и к историческим взглядам других евразийцев. Отдельное рассмотрение получают и вытекающие из нее политические выводы, а также отмечается некоторая непоследовательность и противоречивость, связанная с попытками непосредственно сочетать решение тактических задач и верность теоретическим положениям. В частности, анализ исторической схемы Трубецкого раскрывает роль концепции Л. Гумилева в снятии противоречия между представлением русской истории как развития единого исторического субъекта и евразийской концепцией, делающей интерпретационным центром большое пространство с изменчивым или множественным политическим субъектом.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Великороссия, евразийство, Н.С. Трубецкой, русская историография, Украина.

DOI: 10.31857/S086904990008522-6

Цитирование: Тесля А.А. (2020) Историографическая схема Н.С. Трубецкого и место Украины в исторической концепции евразийства // Общественные науки и современность. № 1. С. 171–179. DOI: 10.31857/S086904990008522-6

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 “Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.” Российского научного фонда.

N.S. Trubetskoy's Historiographic Vision and the Place of Ukraine in the Historical Concept of the Eurasionists

Andrey A. TESLYA*

* **Andrey A. TESLYA** – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History, St Petersburg University. Address: 5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034.
E-mail: mestr81@gmail.com

Abstract. Eurasianism is the largest original intellectual movement among the Russian post-revolutionary emigration of the 1920s and 1930s, which retains its significance in our days. This article attempts to analyze the historical concept of Eurasianism by focusing on the original historiographic scheme of N.S. Trubetskoy, the intellectual leader of the Eurasianism movement, in relation to understanding the place of the history of Ukraine in the history of Eurasia. The principal novelty of the historiographic scheme of N.S. Trubetskoy is distinguished both to previous historiography and to the historical views of the other Eurasianists. The political conclusions drawn by Trubetskoy from his historiographical scheme receive a separate consideration, some inconsistency and inconsistency are noted, associated with attempts to directly combine the solution of tactical problems and fidelity to theoretical positions. In particular, the analysis of Trubetskoy's historical scheme reveals the role of Gumilyov's concept in removing the contradiction between the representation of Russian history as the development of a single historical subject and the Eurasian concept, which makes the interpretation center a large space with a volatile or multiple political subject.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Great Russia, Eurasianism, N.S. Trubetskoy, historiography of Russia, Ukraine.

DOI: 10.31857/S086904990008522-6

Citation: Teslya A. A. (2020) N.S. Trubetskoy's Historiographic Vision and the Place of Ukraine in the Historical Concept of the Eurasionists. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 171–179. DOI: 10.31857/S086904990008522-6 (In Russ).

Формально данная статья посвящена более чем узкой теме – сфокусированному рассмотрению суждений Н. Трубецкого 1920-х гг. о месте и роли земель Великого княжества Литовского и, в дальнейшем, Украины и Белоруссии, в евразийской концепции исторического процесса. Однако, на мой взгляд, тема эта позволяет увидеть целый ряд особенностей евразийской доктрины, и в первую очередь ее внутренних противоречий и напряжений, объясняемых как сложным генезисом доктрины, так и разнородными устремлениями ее родоначальников. Причем иногда подобные устремления обнаруживаются не только у разных авторов, но, как можно увидеть в случае Трубецкого, даже у одного и того же лица. Это выводит разговор за пределы собственно историографии и плоскости изучения истории идей, поскольку евразийство по сей день остается одной из актуальных идеологических программ. В той или иной степени переосмысленное, оно сохраняет в разных изводах непосредственную связь с евразийской доктриной 1920-х гг.

Собственно, “евразийство” – единственное большое оригинальное идеологическое течение, возникшее в русской постреволюционной эмиграции. Как для современников, так и для самих евразийцев связь их концепции с потрясениями Первой мировой войны, последовавшей революции и затем уже войны Гражданской была совершенно очевидна и отрефлексирована. Это побуждало ставить ее в один ряд со “сменовеховством”, “национал-большевизмом” и другими попытками дать интеллектуальные ответы на новую, постреволюционную ситуацию, то есть на возникновение новой реальности, которую необходимо принять, осмыслить и в дальнейшем исходить уже из нее, понимая ее неотменяемость.

И вместе с тем особенность евразийства среди синхронных движений эмиграции состоит в том, что начиналось оно как идейное объединение, лишь со временем обретшее непосредственную политическую составляющую. Временами в связи с обращением к конкретным политическим вопросам евразийцам приходилось искать компромисс или перестраивать исходные положения, менять акценты – но сама исходная, вызванная потребностью в теоретическом пересмотре привычных воззрений, рамка задавала достаточно жесткие пределы свободе тактического маневра. И в первую очередь это относится к воззрениям князя Трубецкого – наиболее крупного мыслителя и ученого, по крайней мере, среди первоначального, софийского ядра евразийства (см. [Ларюэль 2004; Глебов 2010]).

Историографическая схема Трубецкого наиболее отчетливо – благодаря памфлетному характеру текста, свободному от научных притязаний и заостренному как идеологическое высказывание, – выразилась в “Наследии Чингисхана”. Этот очерк в основном был написан еще в 1924 г. (см. [Кривошеева 1994, с. 488]) и опубликован под псевдонимом в 1926 г., отчасти вопреки воле автора. Однако уже через год Трубецкой причислил его, вместе с “Европой и человечеством” (1920) к своим “лучшим произведениям” [Ермишина 2015, с. 107–108; Глебов 2010, с. 479].

Простраивая историческую генеалогию, Трубецкой в качестве исходной точки берет монгольскую империю Чингисхана, впервые осуществившую то, что потенциально содержалось в географии, – возможность объединения евразийского пространства, связующим элементом для которого выступала степь, а не реки, разрезающие его на отдельные сегменты¹. Тем самым историческая последовательность, рисуемая Трубецким широкими штрихами, оказывается следующей:

(1) от монгольской империи, в своем расширении вобравшей многое, фактически не входящее в евразийский мир, имеющее собственные логики развития и, следовательно, случайное, тяготеющее к отпадению (как Иран или Китай);

(2) к московскому царству, где период XV – начала XVI в. оказывается долгим *interregnum* – распадом прежнего единства в отсутствие силы, способной вновь соединить между собой части этого пространства. Историческое содержание этого промежутка составляет конкуренция между разными политическими субъектами в их притязании на все пространство, никто принципиально не может ограничиться лишь наличествующим. Иными словами, перед нами конкуренция разных имперских проектов. Но в подлинном смысле новым оказывается имперский проект Москвы, поскольку он предполагает новый основополагающий принцип – православие как несущую конструкцию империи. В программном тексте евразийства, опубликованном в том же 1926 г., отмечается, что государство есть “другая, производная или вторичная форма личного бытия той же культуры (того же народа и т.д.)”, тогда как первичной является Церковь [Евразийство... 1995, с. 263]. Московское царство оказывается не просто наследником империи Чингисхана, а истинным преемником – сумевшим положить в основание империи конструктивный принцип, отсутствовавший в монгольской империи;

(3) Российская империя в этом смысле выступает предметом сложной, двойственной оценки: она одновременно продолжает дело “собрания” Евразии и в то же время, европеизируясь, во многом утрачивает или, по крайней мере, ослабляет идейные основания собственного существования, оказываясь воплощенной силой, лишенной истинного самосознания. В этой логике ее преемником оказывается советская Россия. Здесь внешняя доктрина пребывает, по мнению Трубецкого, в вопиющем противоречии с тем, что делает подталкиваемая обстоятельствами страна. Новая власть интуитивно или в поисках средств

¹ О том, как историософия Трубецкого повлияла на конкретно-исторические работы Г. Вернадского см. [Дворниченко 2017].

выживания реализует истинное, но именно в силу того, что сознательные цели являются иными. Это истинное оказывается либо искаженным, либо реализованным не так полно, как могло бы быть при верном осознании особой реальности России-Евразии.

Трубецкой писал П. Сувчинскому, завершая работу над “Наследием Чингисхана”: “Есть там одно место, которое все никак не вытанцовывается: это – поношение старого режима, которое надо сделать так, чтобы ясно было, что большевизм (в смысле официального курса советского правительства) есть продолжение недостатков старого режима и потому является недостаточно революционным, а подлинно революционным является только наше дело” [Трубецкой 1995^d, с. 772]. Действительно, в данной схеме советская Россия предстает лишь крайней точкой логики европеизации Российской империи. При этом схема русской истории, с одной стороны, оказывается вполне “славянофильской” в одном ключевом элементе. А именно: в отношении к настоящему как моменту самопознания, постижения своей сущности. Но с другой стороны, она радикально отличается от славянофильской, поскольку определяется через пространство, а не через субъект. Империя возникает как способ упорядочивания большого пространства (Евразии), одна империя сменяет другую в зависимости от меняющихся условий, находя иной, недостающий предшествующей элемент устройства. При этом она стремится к некому совершенству, идеальному состоянию, каковым и выступает ожидаемая в будущем Россия-Евразия.

Следует отметить, что другие ведущие евразийцы либо не приняли, либо не до конца оценили весь радикализм новой исторической схемы, предложенной Трубецким. Фактически она предполагала радикальный разрыв с историографической моделью, восходящей еще к “Синопису” И. Гизеля, так или иначе развиваемой и Н. Карамзиным, и С. Соловьевым, и В. Ключевским, и даже Н. Покровским. Трубецкой в серии текстов, созданных в 1924–1927 гг., фактически намечает радикально новую модель описания русской истории.

С одной стороны, в филологических работах он увязывает русскую культуру с историей языка. Согласно его тезису, только русский язык, единственный, среди славянских, может претендовать на полноту преемства: он располагает такими уникальными источниками обновления и развития, как церковно-славянский язык и великорусская языковая стихия. Для всех остальных славянских народов связь с церковно-славянским языком либо разорвана, либо восстановлена уже через русский язык: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связующие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика” – мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического, антропологического типа. “Славянская культура” – тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывает свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других несколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, тюрков и греков на тех же славян. Этнографически славяне принадлежат к различным этнографическим зонам.

Итак, “славянство” не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие *лингвистическое*. Язык, и только язык, связывает славян друг с другом. Язык является единственным звеном, соединяющим Россию со славянством» [Трубецкой 1995^e, с. 196–197, 206–207].

Таким образом, Россия изымается из “славянства”, “славянского мира” за счет деконструкции этих понятий, отнесения их исключительно к области лингвистики. Это дает возможность Трубецкому поместить Россию в новый контекст – в историю Евразии. Но при этом сама “Евразия” как реальность возникает, согласно Трубецкому, только

в XIII в. Монгольская империя переводит ее из потенциального существования в действительное, реализуя возможности, заложенные в географии.

С другой стороны, история собственно России начинается с Московской Руси. Радикально формулируя этот тезис в “Наследии Чингисхана”, Трубецкой писал: «... не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже исторически невозможно. Между Киевской Русью и той Россией, *которую мы теперь считаем своей родиной* (курсив мой. – А.Т.), общим является имя “Русь”, но географическое и хозяйственно-политическое содержание этого имени совершенно различно» [Трубецкой 1995^b, с. 212].

В этом построении можно обнаружить существенные сходства с концепцией М. Грушевского – в первую очередь, в его критике традиционной русской историографической схемы, данной в знаменитой статье «Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного слов’янства» (1904). Однако, как отметил С. Плохий, по существу Грушевский лишь переворачивал “обычную схему”, удревяняя конструируемую им схему украинской истории (в отличие от П. Кулиша и Н. Костомарова, возводивших начало истории Украины к казацкой историографии XVI в.) и отдавая ей приоритет старшинства перед “московской” [Плохий 2011]. Для Грушевского выстраивались две исторические линии: 1) история “Украины-Руси”, восходящая к славянской колонизации поднепровья и непрерывно продолжающаяся до наших дней, и 2) история северо-восточной Руси, начинающаяся с колонизации волго-окского бассейна и обретающая самостоятельную логику с XII–XIII вв.

Напротив, для Трубецкого Киевская Русь в целом – доисторическое по отношению к России прошлое: она была “естественно прикреплена к известной речной системе” и “в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца” [Трубецкой, 1995^b, с. 211–212]. В этом плане для него не только Русь Киевская, но даже Владимиро-Суздальская не входят собственно в историю России, которая тождественна истории Евразийской империи, построенной на православии.

Этим объясняется своеобразная логика Трубецкого в полемике по украинскому вопросу (1927–1928 гг.), когда украинская проблематика оказалась в центре внимания русской европейской эмиграции (см., в частности, [Маклаков, Шульгин 2012]). Отстаивая трактовку Украины как части России, и в первую очередь украинской культуры, как части (обще)русской культуры, Трубецкой в то же время не обращается к несовместимым с его исторической схемой аргументам, вытекающим из представлений о единстве “русской истории” с присущими ей “Киевским”, “Московским” и “Петербургским” периодами. Его аргументация стремится сохранить последовательность евразийской концепции, апеллируя к нескольким основаниям.

Во-первых, это принадлежность к одному месторазвитию – “Евразии”. Отсюда следует, например, объяснение кратковременности присоединения Польши или Финляндии к Российской империи: названные пространства не входят в евразийское. В этом плане границы Советского Союза хотя и не совпадают собственно с границами Евразии, но значительная часть территориальных потерь СССР 1920-х гг. по сравнению с Российской империей по состоянию на 1914 г. – утрата именно “случайных приобретений”. Россия восстановилась, пересобралась территориально под властью большевиков, включив те элементы, которые сущностно были связаны в единую систему.

Во-вторых, Трубецкой рассматривает народы как биологические общности, при этом – следует отметить – не отдавая этнографическому критерию в его биологизаторской, расовой трактовке решающего значения. К последнему подталкивает Трубецкого сама евразийская концепция сразу в двух моментах: прежде всего поскольку уже формирование евразийства тесно связано с протестом против европоцентризма и вообще идеи иерархии культур и народов, что нашло наиболее яркое выражение в доевразийском тек-

сте Трубецкого “Европа и человечество” (1920) [Трубецкой 1995^а] и, далее, в связи с активным использованием понятия “туранство”, “туранский элемент”.

В-третьих, отмечается языковая и культурная общность. Причем в трактовке Трубецкого истории Белоруссии и Украины демонстрируют, с одной стороны, вариативность, а с другой – явные тенденции к сближению с Великороссией. В XVI–XVII вв., отмечает Трубецкой, на землях Великого княжества Литовского фактически возник литературный язык, ориентирующийся на польский и латынь, возникала соответствующая культура, которая этот язык создавала и воспроизводила. Но в дальнейшем он исчез в силу перемены исторических условий, по невостребованности. Между тем украинская культура стала основанием культуры России второй половины XVII–XVIII в. начиная с церковной реформы и вплоть до европеизации быта. И постепенно заимствования у ближайшего соседа стали в дальнейшем замещаться заимствованиями из “первоисточника”, то есть не через посредство польской культуры, а у западноевропейской культуры напрямую. Общерусская культура, формирующаяся в XVII–XVIII вв., согласно Трубецкому, есть по преимуществу плод влияния украинской – так что стремление выделиться, отделиться от последней интерпретируется им как угроза собственному культурному прошлому, обеднение культуры.

В-четвертых, Трубецкой апеллирует к религиозной общности. При этом в полемике с Д. Дорошенко в 1928 г. он заявляет: “...ту часть украинского народа, которая не удержалась в Православии, мы считаем культурно и духовно изуродованной” [Трубецкой 1928]. То есть, используя терминологию самого Трубецкого, отнесение “Великороссии” и “Украины” к одному региону, России-Евразии, является “многопризнаковым” (см., например, [Трубецкой, 1995^с, с. 207]), но в конце концов их единство определяется исходя не из логики общего истока, а из обретенного, созданного в истории, причем в основном уже сравнительно недавней, единства общерусской культуры.

Ф. Степун в свое время удачно назвал евразийцев “славянофилами эпохи футуризма” [Степун 1926]. Сами евразийцы довольно часто и развернуто говорили и о своей близости к славянофильству, и о расхождениях с ним, а например, утопическая картина представлений о царской власти в Московской Руси, созданная Трубецким в “Наследии Чингисхана” [Трубецкой 1995^б, с. 236–239], вдохновлена взглядами К. Аксакова и его продолжателей. Главное, что оправдывает высказывание Степуна о евразийцах, – это основополагающая роль православия в их доктрине, учение об очерковлении жизни². Принципиальное же их отличие от славянофильства – имперский принцип. В отличие от славянофилов, евразийцы стремятся не к созданию гомогенного национального сообщества, а к имперской иерархически упорядоченной множественности, говорят о “нации” как о множественности “народов” и в этом контексте употребляют понятие “общеевразийский национализм” [Трубецкой 1927].

При этом из их трактовки “Евразии” следует, что мир должен мыслиться как состоящий из различных народов, множества принципиально иерархически не выстраиваемых (за отсутствием общей точки отсчета) культур, а противопоставление России “романо-германским народам” приобретало гораздо большую остроту в сравнении со славянофильством. Отсюда, как отмечал Трубецкой в полемике с Дорошенко, многие черты украинской истории, выглядящие положительно для аудитории, ориентированной на Европу, в евразийской оптике превращались в недостатки. В частности, он подчеркивал: «...украинская культура XV–XVII вв. ценна для нас вовсе не своими “европеизмом”... вовсе не воспринятыми в ней элементами гуманизма и реформации, с одной, и католической схоластики – с другой стороны, а тем, что, *несмотря* на все эти вынужденные

² В этой связи характерно, что Н. Устрялов в переписке с П. Сувчинским одним из первых опасений в отношении будущности евразийства упоминал обращение их в “путейцев”, то есть неославянофильских авторов, группировавшихся в 1910-е гг. вокруг издательства “Путь”, – еще одно небольшое интеллектуальное сообщество [Устрялов 2010, с. 31].

и исторически неизбежные уступки Западу, культура эта все-таки сохранила верность Православию и сумела использовав орудия врагов, облечь Православие в защитную броню» [Трубецкой 1928].

Имперская оптика евразийцев, которую Трубецкой реализовывал, пожалуй, в наибольшей мере среди других основоположников доктрины, делала их позицию по современному “украинскому вопросу” гораздо более широкой, автономистской и федералистской, в сравнении с большинством других интеллектуальных течений русской эмиграции, занимавших в этом случае гораздо более жесткую унитаристскую позицию. Но применительно не к наличным политическим позициям, а к историческим интерпретациям, само евразийство было неоднородным, и это можно видеть именно на украинском вопросе. Так, в частности, для Трубецкого в 1920-е гг. сохранял актуальность вопрос о Западной Украине, оказываясь прямым продолжением политической повестки довоенной эпохи. Вопреки его же собственной историографической схеме, Галиция и Буковина подлежат включению в “Россию-Евразию”, хотя сам Трубецкой никак это не обосновывает. И в таком “само собой разумеющемся” движении мысли легко увидеть продолжение логики “собирания русских земель”, отсылающей к сознательно отвергнутой концепции.

Примечательно, что для П. Савицкого, вопреки Трубецкому, Украина и Великороссия оказываются ключевыми элементами его исторической интерпретации – как исходящие из одного корня “сестринские” культуры, создающие вместе не только “блестящую культуру XVII – XVIII веков”, но и универсальную “мировую культуру российскую” [Савицкий 2018, с. 92 – 93]. Однако у Савицкого остается неотрефлексированное воспроизведение логики традиционной историографической схемы, на которую направлена не только частная критика Трубецкого, но и сама концепция единой евразийской истории, требующая иных генеалогий или, по крайней мере, восполнения и переосмысления традиционных. Текст Савицкого, посвященный украинской проблематике, если не считать наличия в нем ссылок лишь на евразийских авторов (Г. Вернадского и Н. Трубецкого), трудно отличить от текстов, созданных традиционными сторонниками общерусского единства.

Выход из этой проблемы впоследствии будет предложен Л. Гумилевым. Связанный с евразийцами 1920-х гг. не только идейно, но и персонально, через эпистолярное общение с Савицким со второй половины 1950-х гг., Гумилев осуществил примечательную реконфигурацию историографической схемы Трубецкого, совместив ее с основной историографической традицией русской истории. Итогом этой работы станет “Древняя Русь и Великая степь” [Гумилев 1989]. Циклом работ, посвященных домонгольским кочевым политиям, с одной стороны, а с другой – интерпретацией истории Древней Руси как существующей в симбиозе со степью, Гумилев *de facto* обосновывает возможность говорить о Евразии как об относительно едином не только географическом, но и социополитическом, экономическом и культурном пространстве по крайней мере с первых веков н.э. Тем самым “евразийская” история для Восточной Европы, по Гумилеву, начинается не с XIII в., а примерно на тысячу лет ранее, и это позволяет изначально включить в нее историю Древней Руси, то есть соединить концепцию единой русской истории как мигрирующего престола (Киев – Владимир – Москва – Петербург – Москва) и концепцию Российской империи и Советского Союза как наследников монгольской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глебов С. (2010) Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое издательство.

Гумилев Л.Н. (1989) Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль.

Дворниченко А.Ю. (2017) Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идеи и события. СПб.: Евразия.

Евразийство (опыт систематического изложения) (1995) // Мир России – Евразия. Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа. С. 233–290.

Ермишина К.Б. (2015) Князь Н.С. Трубецкой. Жизнь и научная работа: Биография. М.: Изд. дом “СИНАКСИС”.

Кривошеева Е. (1994) Примечания: К истории евразийства, 1922—1924 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. [Т.] V. С. 497—503.

Ларюэль М. (2004) Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис. Маклаков В.А., Шульгин В.В. (2012) Переписка 1919 – 1939 гг. // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. М.: Политическая энциклопедия РОССПЭН.

Плохий С. (2011) Великий переділ: Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ: Критика. Савицкий П.Н. (2018) Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Викмо-М.

Степун Ф.А. (1926) Об общественно-политических путях “Пути” (http://www.odinblago.ru/obsh_polit_put).

Трубецкой Н.С. (1995^a) Европа и человечество // История. Язык. Культура. М.: Прогресс-Универс. С. 55–104.

Трубецкой Н.С. (1995^b) Наследие Чингисхана // История. Язык. Культура. М.: Прогресс-Универс. С. 211–267.

Трубецкой Н.С. (1927) Общевразийский национализм (<http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14.htm>).

Трубецкой Н.С. (1995^c) Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. М.: Прогресс-Универс. С. 105–210.

Трубецкой Н.С. (1928) Ответ Д.И. Дорошенко (http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1928.trubeckoi_otvet.php).

Трубецкой Н.С. (1995^d) Письмо П.П. Сувчинскому от 15 марта 1925 года // Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. М.: Прогресс-Универс. С. 772.

Устрялов Н.В. (2010) Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

REFERENCES

Dvornichenko A.YU. (2017) *Russkiy istorik Georgiy Vernadskiy. Puteshestviya v mire lyudey, idei i sobytiya* [Russian historian George Vernadsky. Travels in the world of people, ideas and event]. St.-Petersburg: Evraziya.

Evrasiystvo (opyt sistematicheskogo izlozheniya) (1995) [Eurasianism (the experience of systematic exposition)] *Mir Rossii – Evraziya. Antologiya* [World of Russia-Eurasia. Anthology]. Moscow: Vysshaya shkola, pp. 233–290.

Ermishina K.B. (2015) *Knyaz' N.S. Trubeckoy. Zhizn' i nauchnaya rabota: Biografiya* [Prince N.S. Trubetskoy. Life and scientific work: Biography]. Moscow: “SINAKSIS”.

Glebov S. (2010) *Evrasiystvo mezhdru imperiey i modernom. Istoriya v dokumentah* [Eurasianism between the Empire and Art Nouveau. History in the documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Gumilev L.N. (1989) *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow: Mysl'.

Krivosheeva E. (1994) Primechaniya: K istorii evraziystva, 1922—1924 gg. [Notes: On the history of Eurasianism, 1922–1924]. *Rossiyskiy Arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII—XX vv.: Al'manah* [Russian Archive: History of the Fatherland in the evidence and documents of the XVIII — XX centuries: Almanac]. Moscow: Studiya TRITE: Ros. Arhiv. [Vol.] V, pp. 497—503.

Laryuel' M. (2004) *Ideologiya russkogo evraziystva, ili Mysli o velichii imperii* [The ideology of Russian Eurasianism, or Thoughts on the greatness of the empire]. Moscow: Natalis.

Maklakov V.A., Shul'gin V.V. (2012) *Perepiska 1919 – 1939 gg.* [Correspondence 1919 – 1939] *Spor o Rossii: V.A. Maklakov, V.V. Shul'gin* [Dispute about Russia: V.A. Maklakov, V.V. Shul'gin]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya ROSSPEN.

Plohy S. (2011) *Velikiy peredil: Nezvichayna istoriya Mihayla Grushevs'kogo* [Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History]. Kyiv: Kritika.

Savickiy P.N. (2018) *Nauchnye zadachi evraziystva. Stat'i i pis'ma* [The scientific tasks of Eurasianism. Articles and letters]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna; Vikmo-M.

Stepun F.A. (1926) *Ob obshchestvenno-politicheskikh putyakh "Puti"* [On the socio-political paths of the "Way"] (http://www.odinblago.ru/obsh_polit_put).

Trubeckoy N.S. (1995^a) *Evropa i chelovechestvo* [Europe and humanity] *Istoriya. Yazyk. Kul'tura* [History. Language. Culture]. Moscow: Progress-Univers, pp. 55–104.

Trubeckoy N.S. (1995^b) *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's Legacy] *Istoriya. Yazyk. Kul'tura* [History. Language. Culture]. Moscow: Progress-Univers, pp. 211–267.

Trubeckoy N.S. (1927) *Obshcheevraziyskiy nacionalizm* [Pan-Eurasian Nationalism] (<http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14.htm>).

Trubeckoy N.S. (1995^c) *Obshcheslavianskiy element v russkoy kul'ture* [The Slavic element in Russian culture]. Trubeckoj N.S. *Istoriya. Yazyk. Kul'tura* [History. Language. Culture]. Moscow: Progress-Univers, pp. 105–210.

Trubeckoy N.S. (1928) *Otvet D.I. Doroshenko* [Answer to D.I. Doroshenko] (http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1928.trubeckoi_otvet.php).

Trubeckoy N.S. (1995^d) *Pis'mo P.P. Suvchinskomu ot 15 marta 1925 goda* [Letter to P.P. Suvchinsky March 15, 1925]. Trubeckoy N.S. *Istoriya. Yazyk. Kul'tura* [History. Language. Culture]. Moscow: Progress-Univers, p. 772.

Ustryalov N.V. (2010) *Pis'ma k P.P. Suvchinskomu. 1926–1930* [Letters to P.P. Suvchinsky. 1926–1930]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna.